

нет оспаривать мнения опытных богословов? Кому в голову могло прийти, что она станет вмешиваться в жизнь солдат, устанавливать свои порядки, предъявлять свои требования, добиваться осуществления своих военных планов? А народ? А все эти ополченцы и простые солдаты? Из иконы они превратили ее в политического деятеля, из послушного орудия — в военного вождя, затмившего знатных и достойных сеньоров.

Все это очень скверно. Конечно, свояк свояка видит издалека. Чернь признала в девчонке своего капитана. А куда может повести такой капитан? Хорошо еще, если против годонов. А если?.. Архиепископ в страхе останавливал свою мысль. Он хорошо знал и помнил о французской Жакерии, об английском мятеже, возглавленном простолюдином Тайлером, о проклятом бунте парижан, который едва не стоил ему жизни... Ведь все это было, и было не так уж давно!..

Мурашки пробегали по спине монсеньера Реньо. Нет, лучше уж англичане, чем подобные штучки!..

Но даже если не думать о самом худшем, все равно скверно. Каждое сословие должно твердо знать свое место. Каждый должен заниматься своим: духовенство — молиться, сеньоры — воевать и поддерживать трон, народ — платить подати и следовать повелениям своих господ. Теперь же в Орлеане все нарушено. Девка перевернула вверх дном обычный порядок. Податные взялись за оружие и стали командовать. Благородные оттеснены до роли простых наблюдателей. Это к добру не приведет. Все ждут победы. Но победа, полученная из рук черни, — это поражение, поражение самое тяжелое, какое может быть. Этого никак нельзя допускать. Необходимо срочно принять все меры, чтобы разбить замыслы голытьбы.

Меры! Но какие? Устранить девчонку, как предлагал шамбеллан? Конечно, сделать это было бы весьма просто. Наемных убийц достаточно. И, однако, этого делать нельзя. Во всяком случае, теперь. Теперь бы это могло обойтись слишком дорого. На-